

УДК 141.112

Александр Игоревич Мусс, аспирант кафедры философской антропологии, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»
e-mail: albertwanderer@gmail.com

ЧЕЛОВЕК КАК КОНЕЧНОЕ СУЩЕСТВО В КОГНИТИВНОЙ НАУКЕ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

В данной статье когнитивная наука рассматривается в качестве одной из актуальных практик современного массового человека, направленной наряду с трансгуманизмом на избегание вопросов, связанных с конечностью человеческой жизни. Этот вопрос рассматривается с позиции изучения смыслов и механизмов функционирования современного общества и современного человека, начало которому было положено в работах Ж.-П. Сартра, Ж. Бодрийяра и М. Фуко. В результате было показано, что даже в научном познании современный человек может искать возможность отвлечься от предельных вопросов своего существования, от столкновения со своей смертной натурой и одновременно искать пути совладания со своими страхами и переживаниями на фоне долгоиграющих последствий смерти Бога и недолговечности человека как философского концепта.

Ключевые слова: концепт человека, философская антропология, когнитивная наука, смертность, символический обмен, массовое общество, трансгуманизм.

Введение

Конечность человеческой жизни и столкновение человека с неизбежностью собственной смерти – это проблема, которая интересует различных философов или ученых не только в перспективе их научных интересов, но и в качестве проблемы, которая возникает и переживается в той или иной степени отчетливости каждым представителем вида человек разумный.

Однако на переживание этого опыта, на осознание этой проблемы влияют не только индивидуальные особенности каждого человека, изучение которых находится скорее в компетенции психологии, но и определенные социальные факторы, связанные с устройством современного общества [2, 6, 9], которые в наиболее предельном их выражении могут быть рассмотрены в рамках философских дисциплин, в частности, философской антропологии [5].

Возникновение в XX веке кибернетики, теории информации, развитие вычислительных устройств и поиск новых объяснительных моделей для изучения вопросов возникновения языка, исследования процессов решения различных задач и более точного понимания устройства психики привело к появлению когнитивной науки, направления, сохраняющего по сей день популярность подхода, претендующего на решение фундаментальных философских и научных проблем, в том числе проблемы сознания [1, 10].

Почти параллельно с возникновением когнитивной науки возникают также и новые концепции, связанные с проблематикой смерти и стремлением навсегда преодолеть ее. Эти идеи приобрели во всем мире значительное число сторонников, и в настоящий момент это направление (и соответствующее общественное движение) стало известно под названием трансгуманизм. Сторонники трансгуманизма выступают за то, чтобы направить развитие

науки и технологий не только на улучшение человеческих способностей, лечение болезней, но и на само преодоление смерти как фундаментального ограничения человеческой природы.

Представители данного движения рассматривают успехи и достижения естественных наук и междисциплинарных областей знания, в том числе когнитивной науки, как возможности реализации и воплощения своих амбиций. С другой стороны, эти амбиции становятся, в свою очередь, предметом интереса различных исследователей [11, 12].

Важно подчеркнуть, что, занимаясь философскими и научными проблемами, мы остаемся людьми, сталкивающимися с конечностью нашего существования, и остаемся также представителями нашего времени и общества. Все это неминуемо накладывает отпечаток на наше познание, а потому для интересов исследования требуется установить строгие границы.

Для этого в рамках настоящей работы мы попробуем провести такое разграничение, рассмотрев с помощью философской антропологии когнитивную науку как практику современного человека в соприкосновении ее с проблемой конечности человеческой жизни. Такое соприкосновение предполагается нами на основе того, что когнитивная наука принадлежит современному обществу и что указанная выше ее взаимосвязь с трансгуманизмом, являющимся активной позицией по отношению к неизбежности смерти и одной из попыток ее избегания в рамках такого общества.

Основная часть

Вопрос взаимоотношения современного общества со смертью тесно переплетается с изучением и оценкой массового общества в работах философов. Эти вопросы беспокоили еще Ф. Ницше [7], который в процессе изучения современных ему

обывателей обнаруживал в них общие черты, связанные, в том числе, с неготовностью рассуждать с позиции здоровья и полноты духа.

Уже в XX веке в процессе становления современного массового общества превращение общения и коммуникации в символический обмен [2] привлекло к себе внимание исследователей, которые разглядели в этом изменение отношения массового человека к предельности своего существования: человек начинает избегать разговоров и мыслей даже о возможности собственной смерти, умирать становится «немодно», то есть смерть как некая актуальность и умирание как процесс выносятся за пределы процессов, на которые в своем функционировании опирается современное общество [2, 5].

Кроме того, такое общество, опираясь в первую очередь на языковые средства, не только становится в какой-то мере подчиненным им, но продолжает также использовать язык в качестве актуального инструмента такой изоляции и избегания неудобных, проблемных вопросов [2, 6, 9].

Вместе с этим общество стало выделять и отдалять от себя связанные со смертью повседневные практики, что, в свою очередь, отразилось в появлении внешне беспричинных страхов и переживаний [5], а вопросы столкновения человека с чужой смертью и собственной конечностью стали прерогативой, скорее, экзистенциальных философов [8] и экзистенциальных психологов.

Одна из возможных причин такого положения дел может быть также связана с коренной перестройкой общества, с обозначенной Ф. Ницше [7] смертью Бога, которая, с одной стороны, «обрекла» человека на то, чтобы осуществлять выбор [8], но одновременно оставила его в одиночестве с самим собой. В свою очередь, концепт человека, предложенный в качестве нового начала координат, оказался недостаточно устойчивым – смерть Бога закономерно повлекла за собой смерть человека, автора и другие [9].

Таким образом, человек как представитель современного общества, в существовании которого язык и символы играют решающую роль, оказывается неспособным самостоятельно справиться с конечностью человеческой жизни и последствиями осознания неизбежности собственной смерти. В свою очередь, смерть как фундаментальная проблема оказалась вытеснена за пределы актуального дискурса, потеряла свое сакральное значение и в то же самое время открылась в своей неминучести и безразличной непосредственности.

Когнитивная наука оказывается включенной в эту проблему на уровне теории, когда в процессе рассуждения о сознании, его природе, функции и назначении, подводя итоги исследователь гипотетически связывает определенный уровень развития познавательных способностей человека с долголетием [1], и эмпирических исследований, когда за

счет развития знаний о принципах работы мозга становится возможным отличать синдром запертого мозга, когда сознание человека может считаться работающим, от вегетативного состояния, когда говорить о сознании, скорее, невозможно [4].

Эти вопросы, как уже указывалось выше, взаимосвязаны с трендами современного трансгуманизма, представители которого склонны интерпретировать подобные исследования в рамках своих интересов. Для них и теории сознания, разработанные в рамках когнитивной науки, и результаты эмпирических исследований, в первую очередь, исследований когнитивных процессов в рамках когнитивной нейронауки, становятся основанием для предположений о том, что человеческое сознание может быть, как компьютерная программа, перезаписано на другой, более надежный и долговечный «носитель» [11, 12].

В свою очередь, такие идеи и их восприятие в обществе вызывает ответную реакцию со стороны когнитивных исследователей, которые, с одной стороны, понимают ограниченность подобных интерпретаций, но также оказываются включенными в дискуссию о человеческой природе и ее принципиальных ограничениях [12].

При этом сама когнитивная наука в методологическом плане как продолжение развития позитивизма принципиально не дает исследователям окончательных ответов. Выводы, получаемые в эмпирических исследованиях, за счет использования методов математической статистики носят, прежде всего, вероятностный характер. То есть, в рамках такого подхода невозможно получить результаты, которые будут верными постоянно и во всех возможных условиях, кроме того, любые полученные таким образом результаты (а, соответственно, проверяемые с помощью них теории) требуют перепроверок. А принцип фальсификационизма К. Поппера позволяет, скорее, отбрасывать непригодные теории, а не утверждать, что существующая теория верна [1].

Это может приводить к тому, что исследователи, приходящие в когнитивную науку за идеологией и окончательными ответами на вопросы собственного существования, оказываются в ситуации, когда получение таких ответов в действительности невозможно, внешне откладывается на неопределенный срок: возникает ощущение, что для получения таких ответов нужны все новые и новые исследования.

Получается, что, имея точки соприкосновения с проблемой конечности человеческой жизни, когнитивная наука как область актуальной практики современного человека оказывается ограниченной в тех возможностях, которые она может предоставить современному человеку в контексте данной проблемы.

При этом собственная рефлексия когнитивных

исследователей и их публичные выступления, направленные на разграничение научно-обоснованных идей, доступных технологий и сосуществующих параллельно им мифов, могут помочь прояснить создавшуюся ситуацию. В это же самое время в отношении вкладывания различных смыслов в свое конечное существование и изучение этого процесса остается, преимущественно, в рамках философии и частично психологии, поскольку именно эти области человеческого знания позволяют выстраивать рассуждения не только относительно наиболее общих характеристик человека, но и через обращение к рефлексии конкретных людей.

Заключение

Опираясь на философскую антропологию как на подход к философскому постижению человека и актуальных вопросов его существования, мы смогли показать, что когнитивная наука может рассматриваться исследователем не только как научная дисциплина или междисциплинарная область знания, претендующая в равной мере на решение фундаментальных научных и философских проблем, но и как одна из актуальных практик современного

человека как типичного представителя массового общества.

Такая практика может быть связана с наиболее общими и предельными для человеческого существования вопросами, например, вопросом конечности человеческой жизни. Здесь важно понимать, что констатация данного обстоятельства не является окончательной формулировкой или приговором, но позволяет увидеть находящиеся сегодня «в тени» стороны интересующего нас явления – когнитивной науки, объединившей многочисленных философов и ученых.

Подобная перспектива позволяет также увидеть, что даже внутри конкретной и успешной области знания мы остаемся, прежде всего, людьми, представителями своего времени, общества, культуры. По этой причине наше познание может быть серьезно ограничено тем, что еще Ф. Бэкон [3] называл призраками рода, пещеры, рынка и театра. И только осознание конкретного воплощения подобных границ познания, в том числе, связанных с темпоральными ограничениями нашего существования, позволяет нам двигаться вперед в наших исследованиях.

Литература

1. Аллахвердов, В.М. Сознание как парадокс / В.М. Аллахвердов. – Санкт-Петербург: ДНК, 2000. – 528 с.
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – Москва: КДУ, Добросвет, 2015. – 392 с.
3. Бэкон, Ф. Новый органон / Ф. Бэкон. – Москва: Соцэргиз, 1938. – 384 с.
4. Горизонты когнитивной психологии / под ред. М.В. Фаликман, В.Ф. Спиридонова. – Москва: Языки славянских культур, 2012. – 320 с.
5. Марков, Б.В. Мёртвое и живое / Б.В. Марков // Фигуры Танатоса: Искусство умирания / под ред. А.В. Демичева, М.С. Уварова. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 1998. – С. 136-152.
6. Московичи, С. Машина, творящая богов / С. Московичи. – Москва: Центр психологии и психотерапии, 1998. – 560 с.
7. Ницше, Ф. Собрание сочинений в двух томах / Ф. Ницше. – Москва: Мысль, 1990. – 2 т.
8. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1953. – 40 с.
9. Фуко, М. Слова и вещи / М. Фуко. – Санкт-Петербург: А-сид, 1994. – 408 с.
10. Costall, A. 'Introspectionism' and the mythical origins of scientific psychology / A. Costall // *Consciousness and Cognition*. – 2006. – Vol. 15. – pp. 634-654.
11. Human Enhancement [Электронный ресурс] // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. – 2015. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/enhancement/> – (дата обращения: 28.02.2018).
12. Metzinger, T. Silicon Valley is selling an ancient dream of immortality / T. Metzinger [Электронный ресурс] // *Financial Times*. – 2017. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/7a89c998-828d-11e7-94e2-c5b903247afd> – (дата обращения: 28.02.2018).